Литературная страница

Т. КУДРЯШОВА

* * *

Кусочек родины моей
Среди лесов, среди полей,
На море высоко и вольно
Поют, шумят, гуляют волны.
Мой дом с окошками на запад,
Пылающей рябины кисть,
И грядки с луком, клевером, мята
В одно единое слились.
Здесь жизнь течет совсем иная,
Нас окружает красота,
Досада, боль куда-то тают,
И расцветает доброта.
Прижмусь щекой к оконной раме,
По домотканым коврикам
пройдусь
И мне лекарств уже не надо –
Я родиной своей лечусь.

* * *

Струилась золотом вода,
И двое в лодке плыли
И ничего между собой
Они не говорили.
Их ветер ласково трепал
И обнимал за плечи,
И лунным светом поливал
Июльский теплый вечер.
И ей казалось – он любил
Ее одну на свете!
Но с ними плыл еще один –
Один незримый третий.
Ей путь казался без конца –
Как хорошо быть вместе!
А он метался к берегам
И было ему тесно.
Она мечтала – вот он с ней,
Ее любимый, светлый,
И думал он – ему не жить
Без той, незримой третьей.
И каждый думал о любви,
И взгляды отводили,
И только волны на мели
О чем-то говорили…

Т. СТАФЕЕВА

* * *

Передо мной бумаги новый лист,
И только мне решать,
что станет с ним:
Быть может, он и дальше
будет чист,
Или покроется
признанием пустым
К такому же пустому идеалу,
Или, согнувшись
в нескольких местах,
Взлетит, как птица,
в небо по сигналу,
Иль с двух сторон
окажется в стихах,
Иль в чертежах,
или в изображеньях
Людей, домов, цветов,
машин, собак,
Иль проживет века
в грядущих поколеньях,
Иль кончит век в корзине
для бумаг…

* * *

Горит свеча. Из липкой темноты,
Опутавшей, лишь ночь пришла,
округу,
Она спасает легкие листы
И человека в самом центре круга
Из света, неземного, как мечты.

Но мстя за то, что вырвалась
из плена,
Меня пугает ночь,
беззвучно хохоча.
И растекается холодный страх
по венам,
Чуть только затрещит
от сквозняка свеча,
И тени вдруг запрыгают
по стенам.

Но с ночью я борюсь,
и способы просты.
Эй, недруги мои,
рассыпьтесь прахом!
Меня свеча спасет от темноты,
А вот от одиночества и страха
Листы бумаги, что пока чисты.

* * *

Как же сложно словами
жонглировать –
Я порой дохожу до отчаянья –
Чтобы шуткой своей
не шокировать,
Не обидеть кого-то нечаянно,
Не унизить, не оскорбить,
Не ввести в настроение грозное.
Ах, как с шуткою трудно прожить.
И вообще, юмор – дело серьезное.

Н. СПАСИНА

Полынь-трава

Костром прощальным
Полегла листва,
Ветра шальные
Кружат в перелесках,
Лишь ведоть дорог
Грустит полынь-трава,
Напоминанье о судьбе
Вселенской.

Вобрав в себя
Весь аромат земли,
Напополам из горечи
И сласти
Стоят полыни,
Словно ковыли,
Сиротская трава,
Трава несчастья.

Закат спустился,
Краски разбросав,
Окрасив облака
В цвета багрянца,
А на юру
Шумит полынь-трава,
Поет ветрам
Осенние романсы.

В полях темнеют
влажные стога,
вкус ветра ощущаю я
всей кожей,
вновь солнце
утонуло за луга,
полыни запах
все острей тревожит.

Деревенские рассказы

С. ЛЕЗИНА

Живет в русских селениях особый народ: искренний, открытый, мудрый и в то же время немного наивный, смекалистый, с душой нараспашку. Не испорченные благами цивилизации, сельчане привыкли с малолетства трудиться и обходиться малым. Слушая их речь с милым сердцу диалектным говорком, поражаешься их рассудительности и умению проникать в самую суть вещей. Если поискать, в каждом поселении найдутся и первый парень на деревне, и заметочные хозяева, которых недолюбливают, но тем не менее уважают, и многодетное семейство, шумное и не всегда благополучное, и главная собирательница и распространительница слухов, и любители выпить и потом часами вести задушевные разговоры. Об этих и других милых людях наши небольшие рассказы.

Как Иван коня объезжал

Дело было зимой. Подрядились как-то Иван с другом своим по прозвищу Махоня коня объездить. После того как от воспаления легких умерла старая колхозная кляча, верой и правдой служившая деревенским жителям 25 лет, в хозяйстве этот конь последний остался.

До этой поры сидел Орлик в хлеву безвыпазно 4 года и был ужасно дик: кусался и никого не подпускал к себе. Так как в его стойло никто не решался зайти, навозу там накопилось с человеческий рост, от этого конь всегда пригибал голову, чтобы не упираться в потолок.

Отчаянные деревенские парни решили, что объездить коня им по плечу.

- Давай выгоним его из хлева в тамбур, и ты прыгнешь на него сверху, - предложил Махоня.

- Давай, - сказал Иван.

С помощью палки выгнали коня из загона, Иван залез на высокую деревянную балку и стал прицениваться, чтобы прыгнуть Орлику прямо на спину. С первой же попытки парень попал в цель, но не тут-то было. Дикий жеребец начал вздыматься на дыбы, вставал то на задние ноги, то на передние, пытаясь сбросить наездника. Вскоре это ему удалось. Обескураженный, немного помятый от падения, но тем не менее довольный своей тореадорской попыткой, Иван только раздадорился и решил попробовать еще раз.

- Нет, так не пойдет, давай спросим у дяди Саши, бывшего конюха, как нам лучше это устроить, - предложил ему рассудительный Махоня.

Сказано, сделано. Опытный конюх посоветовал на конец палки прикрепить петлю и попытаться накинуть ее коню на шею, после того одеть жвотному удечку, и считай, полдела сделано.

Парни точно выполнили указания дяди Саши. Орлик, почувствовавший, как ему в рот больно врезалась уздечка, вышел из конюшни спокойно и даже дал себя запрячь в сани. Махоня сел в дровни и дернул вожжи. Орлик с испугу рванул вперед и помчал не разбирая дороги и не обращая внимания на окрики и команды незадачливого извозчика. После пятиминутного ошеломительного галопа молодой жеребец с разбегу опрокинулся на спину в сугроб и вскинул вверх ноги. Через несколько минут подбежал запыхавшийся Иван. Конь, обессиленный с непривыкши от быстрой езды, лежал, задрав ноги, и не реагировал на понукания неопытных конюхов. Так прошло полчаса. Отдохнув за это время, молодой жеребец вскочил и вновь пустился в галоп. Через пятьсот метров бешеной скачки история повторилась. Орлик снова развалился на дороге в своей привычной позе. Так повторилось несколько раз: стремительный порыв сменялся продолжительным отдыхом. К приходу сумерек вконец измученное животное уже научилось ходить шагом. В конюшню Орлик зашел спокойно.

С этого дня коня стали постепенно приучать к колхозным работам.

Летят утки

Как-то в начале лета дядя Слава Токарев поймал на пруду около десятка диких утят. Подсадил их к домашней утке с ее выводком. Она их приняла как родных: ласково трепала за перышки и водила на ручей плескаться в воде.

Дядя Слава был очень доволен своей предприимчивостью и рассчитывал по осени хорошо продать дошедшим даром товар или пустить пущ на мясо.

Колхозный механизатор, выходя утром из дома и щурясь на солнце, сам прикрикивал от удовольствия, когда наблюдал за своим большим утиным семейством.

- Эх, уточки мои, утята! – приговаривал дядя Слава.

Так незаметно пролетело лето и наступила осень. Утята подросли и превратились в сильных взрослых птиц. Их дикое происхождение иногда выдавало то, что они собирались в стайку и кружили над домом. Полетав немного, возвращались на двор.

Но однажды поздней осенью в небе пролетел косяк диких уток, собравшихся в теплые краи. Утята взмыли в небо и, сделав круг над ставшим родным местом, быстро присоединились к косяку. Дяде Славе оставалось только разводить руками и ругать себя за то, что своевремя не подрезал им крылья.

Прошла зима, пришло время посевных работ. Как-то утром, собираясь в поле, тракторист увидел в небе стаю и отделившихся от нее знакомых пернатых. Десять крупных, подросших за зиму уток с шумом приземлились на родной двор.

Хотелось бы умолчать о дальнейшей судьбе этих птиц, но таков суровый закон жизни, предусматривающий полную власть человека над природой.

И в огонь, и в воду

Верный друг всегда рядом. Рядом, когда все хорошо и когда трудно. А самыми преданными друзьями, как известно, являются собаки. Они готовы идти за хозяином на край света и прощать ему все на свете.

Пес по кличке Кузя от Мишки не отходил ни на шаг. Мишка принес домой породистого щенка еще маленьким комочком, из которого быстро вырос большой умный пес. Шесть лет друзья были неразлучны. Вместе ходили на рыбалку, сторожили колхозный урожай на полях. Кузя неизменно провожал Мишку в школу, которая находилась за три километра в другой деревне.

Однажды пес спас своего хозяина, когда тот едва не утонул. Не рассчитав свои силы, Мишка запыхал на середину речки, нагляпатся воды и начал тонуть. Все это с берега наблюдал Кузя. Увидев отчаянные барахтанья мальчишки, бросился на помощь, хотя панически боялся воды. Речка была нешироко, и собака подоспела вовремя. Мишка только-только успел уцвяться за шерсть животного. Сильный большой пес доставил упопающего до берега в целости и сохранности.

Пришло время парню отправляться на службу в армию. Долго бежал верный Кузя за автобусом, заставив новобранца смахнуть не одну горькую слезу.

С этого дня собаку как подменили. Кузя перестал есть, спать и все ходил на дорогу встречать друга. Через две недели пес уже отчаялся ждать, бродил по деревне понурый, с низко опущенной головой.

Через пару дней Мишкина мать пошла в огород срубить кочан капусты на щи и увидела, как собака стремглав мчится к реке.

- Кузя, Кузя! – окликнула женщина.

Но он как будто не слышал ее. С разбегу пес бросился в холодную октябрьскую воду. Собака была уже на середине реки, как вдруг ее голова исчезла с поверхности водоема. Больше Кузю никто не видел. Не в силах вымести разлуку с любимым хозяином животное, наверное, потеряло всякий интерес к жизни. Удивительно, но бывает и так.

Ошибка

Надумала тетка Лукерья как-то запастись горячительным напитком: впереди сенокос, да и внук вот-вот женится. Поставила флягу бражки на пшенице. Когда первоначальный продукт был готов, Лукерья слила жидкость в ведро, а разбухшую пшеницу, которую жаково было выбрасывать, отдала курицам.

Домашние птицы склевали сладкое зерно быстро. Немного погодя, когда баба вышла на улицу затопить печку-прачку, увидела такую картину: по всему двору лежали мертвые куриц, а петух распластался прямо у коряжки.

Поохала Лукерья, поплакала, потом ощипала всех и выбросила в овраг.

Каково же было удивление старушки, когда под вечер ощипанные птицы одна за другой вернулись из-под коры домой. Слегка пошатываясь, бродили по двору существа неизвестной породы.

Снова загоревала Лукерья, ругая себя на чем свет за досадный промах. Ничего не осталось, как опять пускать их в расход. Вот такая ошибочка вышла.